

П. И. Дятленко,
*аспирант и преподаватель кафедры истории, культурологии и рекламы
Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Реабилитации не подлежат: практика отказов в реабилитации репрессированных граждан в Кыргызстане

История вопроса

Процесс реабилитации граждан, репрессированных по политическим мотивам в годы сталинских массовых репрессий, проходил в Кыргызской ССР (а затем в Кыргызстане) с 1954 года по 1999 год. Политическое обвинение в отношении каждого пострадавшего человека рассматривалось строго в рамках действовавшего на момент пересмотра дела законодательства, и по нему правоохранными органами (чаще всего прокуратурой или судом, в отдельных случаях органами государственной безопасности) принималось отдельное решение.

Справедливый и законный порядок реабилитации показал, что среди граждан, репрессированных в годы сталинских репрессий на территории современного Кыргызстана, имеются лица, которые не могут быть реабилитированы по объективным причинам в рамках существующего законодательства. И вопрос не только в правовой стороне дела, но и в моральном, политическом и историческом аспектах проблемы.

Правовая база

Обратимся к современному законодательству. Статья 4 действующего Закона Кыргызской Республики от 27 мая 1994 года за № 1538–XII «О правах и гарантиях реабилитированных граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам» гласит: «Не подлежат реабилитации лица, в отношении которых в материалах уголовных дел имеется совокупность доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения их к ответственности за:

- измену Родине, шпионаж, диверсии, вредительство, саботаж, террористические акты;
- преступления против человечества, карательные акции в отношении мирного населения, убийства, истязания граждан;
- организацию вооруженных формирований, совершавших убийство, разбой, грабеж и другие преступления, и личное участие в совершении этих преступлений, а также лица, осужденные за преступления против правосудия, связанные с применением репрессий, даже если они сами впоследствии подвергались репрессиям».

Практика отказов в реабилитации в советский и постсоветский периоды

Советский период

В советское время окончательной реабилитацией для многих граждан было восстановление или повторное принятие в ряды коммунистической партии, что становилось возможным только после проведения в отношении них судебной реабилитации.

29 сентября 1956 года Бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии рассматривало апелляцию Султана Измайловича Албагачиева, который просил отменить решение о его исключении из КПСС и восстановить в рядах партии (4, л. 1).

Султан Измайлович Албагачиев (1906 года рождения, служащий, имевший среднее образование) состоял членом КПСС с 1938 года. На момент подачи апелляции он проживал в городе Джалал-Абаде Киргизской ССР.

Сначала Кок-Янгакский городской Комитет КПСС (28 мая 1954 года), а позже Джалал-Абадский областной Комитет партии (11 августа 1954 года) исключили С. И. Албагачиева из членов КПСС «за нарушения социалистической законности в бытность сотрудником НКВД СССР».

С. И. Албагачиев был исключен из партии за нарушения социалистической законности на основании справки следователя по особо важным делам Прокуратуры СССР, датированной 10 апреля 1954 года. В этой справке указано, что «в процессе следствия по делу об изменнической заговорщической группы, возглавляемой Л. П. Берия», в отношении члена КПСС С. И. Албагачиева было установлено, что:

- С. И. Албагачиев, работая в 1937–1940-х годах в Центральном Аппарате НКВД СССР в должности оперуполномоченного экономического отдела, а затем старшего следователя отдела, грубо нарушал нормы социалистической законности, выполнял явно преступные указания «врагов народа»: Кабулова, Мишека, Владимирского (они приговорены к высшей мере наказания), а также Родоса и Шварумана (арестованы). С. И. Албагачиев систематически избивал арестованных граждан на допросах, добываясь от них вымышленных показаний об их участии в контрреволюционных организациях.
- В 1939 году С. И. Албагачиев принимал непосредственное участие в фальсификации следственных дел на М. С. Кедрова, И. М. Кедрова, В. Голубева и А. В. Батурина, «пытавшихся довести до сведения директивных органов о предательской деятельности Берия и других заговорщиков».
- При допросе бывшего члена президиума ВЧК при Ф. Э. Дзержинском, члена КПСС с 1902 года М. С. Кедрова Султан Албагачиев применял незаконные методы следствия, избивал Кедрова. Также С. И. Албагачиев применял меры физического воздействия к бывшему Наркому внутренних дел Таджикистана Загвоздину, бывшему Наркому внутренних дел Северной Осетии Малькину и другим подследственным, которые не признавали себя участниками в вымышленных контрреволюционных организациях.
- 21 мая 1939 года С. И. Албагачиев проводил очную ставку между бывшим сотрудником НКВД СССР В. Голубевым и его приемной матерью, членом КПСС

с 1918 года А. В. Батуриной. В ходе допроса Голубев (вследствие применения к нему избиений и пыток) признался сам и изобличил А. В. Батурину в том, что «заявление о преступной деятельности Берия ими подано в ЦК ВКП(б) по заданию германской разведки».

- В марте 1941 года С. И. Албагачиев был выдвинут на должность Наркома внутренних дел Чечено-Ингушской АССР, и только в 1949 году он был уволен из органов МВД.
- О трудовой деятельности С. И. Албагачиева имелись следующие данные: с 1923 года по 1949 год он работал в органах НКВД, с 1949 года по апрель 1956 года – в торговых организациях (4, л. 34–35).

Бюро ЦК КП Киргизии после ознакомления и обсуждения справки партийной комиссии об С. И. Албагачиеве и его апелляции приняло решение отказать ему в восстановлении в рядах КПСС, так как он был исключен из рядов КПСС за нарушения социалистической законности в бытность сотрудином НКВД СССР (4, л. 10).

Рассмотрим 2 случая отказа в партийной реабилитации по отношению к клеветникам. 10 апреля 1959 года Бюро ЦК КП Киргизии рассматривало апелляцию Богона Колдымолдоева, который просил отменить решение о его исключении из КПСС и восстановить в рядах партии.

Богон Колдымолдоев (1906 года рождения, служащий, образование неполное среднее) состоял членом КПСС с 1931 года. В момент исключения из партии Б. Колдымолдоев учился в сельхозтехникуме.

28 марта 1940 года первичной партийной организацией сельхозтехникума, вгуста 1940 года Свердловским райкомом, 19 августа 1940 года Фрунзенским горкомом и 29 августа 1940 года Фрунзенским обкомом КПСС Б. Колдымолдоев был исключен из членов партии за клевету на районных и сельских работников.

По материалам дела проверкой партийной комиссии было установлено, что

- Б. Колдымолдоев, будучи пропагандистом Буденновского райкома партии, занимался клеветой. В результате на основании его клеветнических заявлений в 1937–1938 годах были арестованы 8 районных и сельских работников, которые впоследствии были реабилитированы.

По этому обвинению Б. Колдымолдоев был привлечен к уголовной ответственности и 4 октября 1939 года приговорен народным судом к пяти годам лишения свободы. Верховным судом Киргизской ССР мера наказания ему была снижена до двух лет лишения свободы (5, л. 20).

В своем заявлении Б. Колдымолдоев писал, что назначенное судом наказание отбыл, и просил восстановить его в партии.

Бюро ЦК КП Киргизии после обсуждения справки партийной контрольной комиссии о Богоне Колдымолдоеве и его апелляции решило отказать ему в восстановлении в рядах КПСС, так как он был «исключен из партии в августе 1940 года за клевету на честных работников» (5, л. 20).

Бюро ЦК КП Киргизии 16 февраля 1960 года рассматривало апелляцию Садыка Шарипова, который просил отменить решение о его исключении из КПСС и восстановить в рядах партии. Апелляция С. Шарипова рассматривалась Бюро ЦК КП Киргизии по поручению Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Садык Шарипов (1900 года рождения, из крестьян-бедняков, рабочий, имевший начальное образование) был коммунистом с 1929 года по 1939 год. В момент возникновения дела он работал председателем Куршабского районного потребительского общества.

29 октября 1938 года Куршабским райкомом КП Киргизии С. Шарипов был исключен из членов ВКП(б) за клевету на коммунистов районной партийной организации (Конов, Таипов, Шаврин, Тутоев и др.). 15 сентября 1939 года Ошский окружной Комитет партии и 6 августа 1940 года Бюро ЦК КП Киргизии подтвердили решение Куршабского райкома об исключении С. Шарипова из членов КПСС.

С. Шарипов был исключен из партии за то, что

- он в 1937–1938 годах написал в следственные органы ряд заявлений клеветнического характера на руководящих районных работников (более чем на 20 человек). Многие из них были арестованы (Арсанов, Тутоев, Саипов, Шаврин, Орозалиев и другие). Дополнительно С. Шарипову вменялась в вину клевета на Наркома земледелия республики Юлдашева и секретаря Ошского окружного комитета партии Колосова, которая заключалась в том, что первый якобы является чуждым элементом, а второй имеет политически нездоровые выступления.

В своем заявлении С. Шарипов писал, что предъявленное ему обвинение в клевете не подтвердилось. На самом деле обвинение против него в клевете против ряда работников подтвердилось (6, л. 33).

Бюро ЦК КП Киргизии после обсуждения справки партийной комиссии о Садыке Шарипове и его заявления согласилось с предложением партийной комиссии и приняло решение отказать ему в восстановлении в рядах КПСС, так как он был «исключен из партии в 1939 году за клевету на руководящих работников Куршабского района» (6, л. 10).

Приведенные примеры показывают, что в советское время на партийную и судебную реабилитацию не могли рассчитывать лица, причастные к проведению политических репрессий.

В советское время при проведении реабилитации были случаи, когда при повторном судебном рассмотрении дел выяснялось, что осужденные лица виновны в совершении вмененных им преступлений. Например, в материалах Верховного суда республики имеется одно решение по делу о проведении группой лиц экстремистской пропаганды, разжигании межрелигиозной и межнациональной вражды.

7 января 1955 года Президиум Верховного суда Киргизской ССР рассматривал протест Прокурора республики на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Джалал-Абадского областного суда от 10–12 августа 1953 года, которым были осуждены по части 2 статьи 58–10 и 58–11 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах сроком на 5 лет следующие лица:

- Камбаров Закир, 1918 года рождения, беспартийный, из семьи кулака, ранее не судим, содержался под стражей с 19 марта 1953 года;
- Хаджимитдинов Тургунбай, он же Токтосун, 1904 года рождения, беспартийный, из духовенства, в 1935 году был осужден по статьям 66 и 67 УК Узбекской ССР к 5 годам лишения свободы, до ареста проживал в г. Оше, содержался под стражей с 9 апреля 1953 года;

- Эрматов Артук, 1890 года рождения, беспартийный, из крестьян-бедняков, ранее не судим, содержался под стражей с 18 апреля 1953 года;
- Исмаилов Токтокул, он же Токтогул, 1914 года рождения, из семьи кулака, беспартийный, был осужден в 1943 году по пункту «а» статьи 193–10 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы, которые отбыл, содержался под стражей с 20 мая 1953 года.

Определением Верховного суда Киргизской ССР от 30 сентября 1953 года приговор областного суда был оставлен в силе.

Обратим внимание на текст нового постановления Президиума Верховного суда, принятого менее чем через полтора года после вынесения первого приговора:

«Осужденные признаны виновными в том, что они являются руководящими и активными участниками антисоветской националистической организации – «волосатые ишаны» – и проводили среди населения Джалал-Абадской и Ошской областей антисоветскую агитацию, направленную на подрыв мощи Советского государства, выступали с антиколхозной пропагандой, отговаривали людей от участия в выборах органов советской власти, занимались националистической деятельностью, разжигая среди отсталой части местного населения ненависть к народам немусульманской веры.

Свою враждебную работу осужденные проводили под видом отправления религиозных обрядов.

Для конспирации антисоветской работы участники организации выдавали себя за проповедников мусульманской веры, умалишенных, глухонемых. Отращивали длинные волосы на голове и лице и назывались «волосатыми ишанами».

Все обвиняемые в предъявленном им обвинении как на предварительном, так и на судебном следствии виновными себя признали. Кроме того, достаточно избобличаются показаниями свидетелей.

Таким образом, преступная деятельность осужденных материалами дела доказана, преступление квалифицировано правильно, однако мера наказания, определенная судом, является суровой, поэтому Президиум счел возможным снизить меру наказания.

На основании изложенного Президиум Верховного суда Киргизской ССР постановил: «Приговор Джалал-Абадского областного суда от 10–12 августа 1953 года и определение Верховного суда Киргизской ССР от 30 сентября 1953 года в отношении Камбарова Закира, Хаджимитдинова Тургунбая, он же Токтосун, Эрматова Артука и Исмаилова Токтокула, он же Токтогул, по части 2 статьи 58–10 и 58–11 УК РСФСР изменить меру наказания – снизить до 10 лет исправительно-трудовых лагерей каждому, в остальной части приговор оставить в силе. Протест удовлетворить частично» (1, л. 1–2).

Постсоветский период

За время проведения реабилитации граждан в постсоветское время Верховный суд Кыргызской Республики вынес всего 4 решения об отказе в судебной реабилитации, которые были приняты уже в 1990-х годах. Все 4 дела касались военных предателей, которые в годы Великой Отечественной войны, попав в плен, вступили в ряды Туркестанского легиона, а после войны были осуждены советским правосудием по пункту «б» статьи 58–10 УК РСФСР, то есть за измену Родине в военное время, совершенную военными служащими.

Первое дело было рассмотрено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики в открытом судебном заседании в городе Бишкеке 22 февраля 1994 года. Дело по протесту, поданному в порядке надзора первым заместителем Генерального прокурора республики на приговор Военного трибунала Ферганского гарнизона от 4 июня 1950 года, которым Мурзабеков Дастанбай, 1918 года рождения, был осужден по пункту «б» статьи 58–1 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет и с конфискацией имущества, и по части 1 статьи 58–10 того же УК к 8 годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет.

На основании статьи 31 УК РСФСР по совокупности преступлений, путем поглощения менее строгого наказания более строгим, судом ему было определено окончательное наказание в 25 лет лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества.

- В сентябре 1941 года Дастанбай Мурзабеков, участвуя в составе Советской Армии в боевых действиях против немецких войск на Украине, был взят в плен. В конце 1942 года он поступил на службу в Туркестанский легион немецкой армии, приняв воинскую присягу на верность фашистской Германии. Ему было присвоено звание ефрейтора, и он был назначен на должность командира отделения второго батальона Туркестанского легиона. Д. Мурзабеков принимал участие в обороне немецких военных объектов от уничтожения польскими и советскими партизанами до сентября 1943 года.
- Вернувшись на родину, Д. Мурзабеков якобы проводил антисоветскую агитацию, клеветал на советскую действительность и восхвалял империалистические государства.
- Анализ документов уголовного дела, проведенный судом, показал, что в действиях осужденного отсутствовали контрреволюционные призывы к свержению Советского государства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики своим определением оставила вынесенный приговор без изменений в отношении Дастанбая Мурзабекова за предательство (2, л. 22–23).

29 ноября 1994 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Бишкеке дело по заключению Генерального прокурора республики на приговор Военного трибунала Фрунзенского гарнизона от 25 ноября 1948 года, которым Барпиев Джаманкул, 1915 года рождения, был осужден по пункту «б» статьи 58–1 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, с поражением в избирательных правах на 5 лет и с конфискацией имущества, и по части 1 статьи 58–10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, с поражением в правах на 5 лет.

В соответствии со статьей 49 УК РСФСР окончательная мера наказания была определена ему судом в 25 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, с поражением в правах на 5 лет.

- Джаманкул Барпиев виновен в том, что, попав в немецкий плен в июне 1942 года, в лагере военнопленных осенью 1942 года добровольно поступил на службу в

Туркестанский легион. Он вступил в его ряды в качестве командира отделения (до января 1944 года) и принял присягу на верность фашистской Германии.

- В январе 1944 года Дж. Барпиев был переведен в немецкую военную часть, где по 1945 год служил солдатом. Находясь в Италии и Чехословакии, он оказывал содействие немецким войскам в войне против СССР. В начале 1945 года Джаманкул Барпиев был пленен частями Советской Армии и отправлен на родину. По возвращении домой он якобы «проводил антисоветскую агитацию, клеветал на колхозное строительство и советский строй, высказывал неверие в боеспособность Советской Армии и восхвалял жизнь в фашистской Германии» (2, л. 133–134).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики снизила ему своим определением срок наказания до 15 лет, но приговор в отношении Джаманкула Барпиева был оставлен в силе за измену (2, л. 133–134).

В том же 1994 году Президиум Верховного суда Кыргызской Республики рассмотрел уголовное дело по протесту первого заместителя Генерального прокурора республики на приговор Военного трибунала Ферганского гарнизона от 18 февраля 1949 года, которым Самиев Турабай, 1907 года рождения, был осужден по пункту «б» статьи 58–1 и части 1 58–10 УК РСФСР.

По совокупности совершенных им преступлений, на основании пункта «б» статьи 58–10 УК РСФСР и в соответствии со статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни» он был подвергнут заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет, с поражением в избирательных правах на 5 лет и с конфискацией имущества.

- Турабай Самиев виновен в том, что, попав в немецкий плен во время боев под Гомелем 24 октября 1943 года, весной 1944 года вступил в Туркестанский легион германской армии, то есть изменил Родине в военное время. В Туркестанском легионе он прослужил в качестве рядового до пленения его союзными войсками 8 мая 1945 года. Возвратившись на родину, он якобы проводил контрреволюционную агитацию, хвалил жизнь за рубежом, клеветал на колхозный строй.

Анализ материалов уголовного дела, проведенный судом, установил, что он высказывал свое мнение и свержения советской власти не преследовал.

Президиум Верховного суда Кыргызской Республики своим постановлением оставил в силе приговор в отношении Турабая Самиева за измену (2, л. 100–101).

25 марта 1997 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики рассматривала жалобу Дюшенбиева Касынбека (Касымбека), 1919 года рождения.

Приговором Военного трибунала Сталинградского гарнизона от 27 июля 1945 года он был осужден по пункту «б» статьи 58–10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы, с поражением в избирательных правах на 5 лет. Изъятые у него при обыске 1051 рубль 41 копейка и государственный заем на 350 рублей конфискованы в доход государства.

По данному делу также были осуждены Б. Кабаев, С. Кендербаев, А. Дунганов, Ж. Абиев, М. Рамазанов, Ч. Жамгырчиев, А. Жумабеков и Р. Есеналиев.

- Касымбек Дюшенбиев виновен в том, что, находясь на фронтах Отечественной войны в качестве сержанта 3525 мотомеханизированного батальона

Советской Армии, в июле 1941 года перешел на сторону врага. Он попал в лагерь военнопленных в декабре 1941 года. К. Дюшенбиев добровольно поступил на службу в первый батальон Туркестанского легиона германской армии. Он принял присягу на верность германскому правительству и до сентября 1943 года участвовал в боевых операциях против советских партизан и частей Советской Армии. Касымбек Дюшенбиев просил отменить приговор и реабилитировать его.

Рассмотрев материалы уголовного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики своим определением постановила: Касымбек Дюшенбиев осужден обоснованно и законно. Наказание соответствует содеянному, оснований для отмены приговора нет, приговор оставить без изменения, жалобу без удовлетворения (3, л. 28–29).

Аспекты практики отказов в реабилитации

В ходе реабилитации в нашей республике была восстановлена справедливость по отношению к жертвам массовых политических репрессий сталинской эпохи. При этом не были реабилитированы лица, действительно совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, которые им инкриминировались, или лица, причастные к проведению политических репрессий.

При проведении реабилитации репрессированных в постсоветский период граждан их дела были рассмотрены и их осуждение признано обоснованным. В качестве примера мы привели 4 случая отказа в реабилитации, которые принял Верховный суд республики в 1990-х годах по делам лиц, совершивших военную измену в годы Великой Отечественной войны и служивших в рядах Туркестанского легиона вермахта. Все они были осуждены советским правосудием после войны как изменники, нарушившие воинскую присягу. Верховный суд Кыргызской Республики признал их осуждение обоснованным и отказал в реабилитации.

Вопрос о практике отказов в реабилитации репрессированных граждан имеет не только правовой, но и моральный, политический и исторический аспекты.

Рассмотрим эти аспекты на примере описанных в статье конкретных случаев не-реабилитации.

Правовой аспект состоит в фактическом признании того, что наказание этих людей носило обоснованный, справедливый характер в рамках существовавшего на тот период законодательства и вполне соответствует тяжести совершенных ими преступных деяний.

В целом, правовой аспект вопроса состоит в том, чтобы наказать в рамках действующего законодательства участников и соучастников в проведении политических репрессий, дать юридическую оценку действиям этих лиц. Отметим, что большинство лиц, причастных к сталинским политическим репрессиям, избежали наказания за совершенные ими преступления или были наказаны негласно и непропорционально по отношению к содеянному (снятие с должности, увольнение со службы, перевод на службу в другое государственное учреждение, отправление на пенсию, лишение званий и наград).

Моральная сторона вопроса заключается в том, что была дана оценка действиям клеветников, сотрудников государственной безопасности и правоохранительных органов (причастных к проведению политических репрессий), военных преступников (предателей и пособников нацистских преступников) с позиций общечеловеческой морали.

Моральный аспект отказов в судебной и партийной реабилитации – это пусть и запоздалая, но заслуженная и справедливая кара за совершение названными выше лицами общественно порицаемых действий (лживые доносы, разжигание межрелигиозной и межнациональной вражды, применение пыток и издевательств по отношению к невинным гражданам сотрудниками правоохранительной системы, военная измена), не совместимых с общечеловеческой моралью и этическими нормами.

Исторический аспект вопроса заключается в том, что изучение и анализ практики нереабилитации позволяет дать соответствующую оценку преступлениям отдельных лиц в условиях тоталитарного государства, понять их природу, а также судить о состоянии общества периода политических репрессий.

Исторический аспект практики отказов в реабилитации репрессированных граждан состоит в восстановлении исторической справедливости, восполнении «белых пятен» в политической истории и создании объективной, максимально правдивой истории советского периода, демонстрации и оценке изменений отношения общества и государства к политическим репрессиям, их последствиям, жертвам и виновникам. Кроме того, возрастает необходимость преодоления опасных тенденций по переписыванию советской истории и идеализации исторической роли И. В. Сталина, его тоталитарного политического режима, роли коммунистической партии, советских органов государственной безопасности в политических репрессиях на территории СССР и их последствий.

Политический аспект вопроса включает в себя извлечение уроков из исторического периода сталинских репрессий. Мы должны признать обоснованность применения государством карательных мер против упомянутых выше лиц.

Также он состоит в признании вины государства в политических репрессиях и ее частичного искупления через проведение реабилитации и демократизации. Также необходимо признать и дать оценку степени вины не только И. В. Сталина и тоталитарного политического режима (и его карательно-репрессивной политики), но и роли «человеческого фактора». Ведь многие советские граждане добровольно клеветали на своих сограждан. Сотрудники НКВД фальсифицировали следственные материалы и применяли запрещенные физические и моральные методы дознания по отношению к подследственным гражданам. Прокурорские работники послушно поддерживали необоснованные политические обвинения, а судьи осуждали по надуманным обвинениям заведомо невинных граждан. При этом подавляющее большинство советских граждан одобряло репрессивную политику диктатора.

Правда о реабилитации и отказах в реабилитации репрессированных граждан нужна современному обществу как своеобразная прививка от возможных рецидивов тоталитаризма и авторитаризма, для осознания необходимости реального укрепления и развития институтов свободного гражданского общества, демократического правового государства, создания независимой от исполнительной власти, находящейся под гражданским контролем и гуманной правоохранительной и судебной систем.

Литература

1. Архив Верховного суда Кыргызской Республики. Решения по контрреволюционным делам. 1955. Том 1.
2. Архив Верховного суда Кыргызской Республики. Решения по контрреволюционным делам. 1994. Том 1.
3. Архив Верховного суда Кыргызской Республики. Решения по контрреволюционным делам. 1996–1997. Том 1. А
4. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Фонд 56. Опись 4. Дело 1069.
5. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Фонд 56. Опись 4. Дело 1172.
6. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Фонд 56. Опись 4. Дело 1222.

М. А. Ковалева,

*аспирант кафедры экономической теории
Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Рыночные механизмы Киотского протокола как один из инструментов стимулирования иностраных инвестиций

Введение

Многие государства пытаются игнорировать проблемы, связанные с глобальным потеплением и истощением природных ресурсов, т.к. полное осознание ситуации и попытка исправить ее связана с огромными экономическими затратами. «Правда о климатическом кризисе слишком неудобна для нас, ибо вынуждает решиться на изменения в нашем образе жизни» (7). Возможно, проблемы решались бы намного легче, если бы не затрагивали экономический аспект. Когда речь идет о деньгах, даже очевидное перестает быть таковым.

Дополнительным фактором, затрудняющим решение этих проблем, является глобальность данного вопроса. И очень трудно усадить за стол переговоров государства с различными подходами к проблемам климата и глобального потепления.

Одним из наиболее активных организаторов, призывающих государства объединиться в борьбе с глобальным экологическим кризисом, является ООН, которая и разработала первый международный документ, названный Киотским протоколом. Этот документ позволяет использовать рыночные механизмы для решения глобальных экологических проблем. Однако, несмотря на экономическую привлекательность документа, до сих пор продолжаются дискуссии о последствиях, вызванных его подписанием и ратификацией. Некоторые его противники говорят о негативных последствиях